УДК 1:3

ГНЕЗДО «ЧЁРНОГО ЛЕБЕДЯ»: ОСОБЕННОСТИ И РИСКИ СОЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕРЕНИЙ В СЕТЕВОМ ОБЩЕСТВЕ

Подопригора Александр Васильевич,
Научно-образовательный центр
Института экономики
Уральского отделения
Российской академии наук и
Челябинского государственного
университета,
старший научный сотрудник,
кандидат политических наук,
г. Челябинск, Россия.
E-mail: agora821@gmail.com

Аннотация
В рамках синергетического подхода рассматривается изменение характера знания о социуме и особенности социальных измерений в информационном обществе, основанном на сетях электронной коммуникации и представлении о власти как способности ключевых акторов воздействовать на массовое сознание и изменять его. Подчеркивается сложность сетевого общества как динамической системы, нелинейность происходящих в нем процессов и вероятностный характер измерений социума, которые непосредственно влияют на результаты наблюдений и ход событий, конструируя «дополненную» социальную реальность. Предлагаются философские основания изучения информационного общества как процесса вероятностной генерации социальной реальности через рекурсивную самореференцию, моделирование смыслов в сети институтов коммуникации, которые снимают неопределенность в рамках принятой системы ценностных координат, но также способны порождать значительные политические риски.

Ключевые понятия:
информационное общество, сети, институты, вероятность, неопределенность, нелинейность, медиа, коммуникации, власть, социальные измерения, самореференция, элиты, риски.

Мир политиков и экспертов все чаще и все более жестко сталкивается с проблемой соответствия (точнее – не соответствия) возникающей реальности данным социальных измерений и прогнозов. Избрание Д. Трампа и поражение демократов в Конгрессе на фоне роста экономики США при президенте-демократе, конституционное большинство в Госдуме РФ партии «Единая Россия» в условиях стагнации российской экономики и социума, Brexit в благополучном ЕС, утверждение в политическом лексиконе мема «постправда» – лишь наиболее яркие примеры.

Представляется, что речь идет не просто о корректности социологических и политологических методик, но о необходимости новой философской интерпретации знания о социуме в сетевом информационном обществе, ставшем политической реальностью.

Мировоззренческие сдвиги, связанные с утверждением в современной науке «квантовой» парадигмы неопределенности, сложности, релятивности и вероятностном характере мировых (в особенности – социальных) процессов и явлений, задают фундаментальную проблему адекватности социальных измерений как выражения характеристик социальных *объектов* и взаимоотношений между ними в числовых значениях, поскольку признается, что любое измерение является воздействием на измеряемую систему, нелинейно меняя ее в процессе наблюдения, а наблюдатель, наблюдаемое и наблюдение образуют сложную динамическую систему – сеть узлов (в данном случае – социальных институтов и систем разного масштаба, иерархии и качества), связанных между собой и со средой через интерактивный коммуникационный контур – информационные сети.

Социальная реальность общества, как операционально замкнутой системы, которая непрерывно *конструируется* различными интенционально действующими акторами с высокой степенью свободы [9, с. 34] в континууме внешних воздействий, измерений и внутренних коррекций, больше не представляется традиционным *объектом* изучения, но во многом становится «черным ящиком», изменения в котором запутаны и нелинейны; они не могут быть четко смоделированы в силу высокой сложности, для описания которой современные математические модели теории динамических систем недостаточны [15, с. 389].

Экономисты знают, что прогнозирование поведения динамических систем, какими являются финансовые и товарные рынки, крайне затруднено их сложностью и нелинейностью: большие изменения и резкие скачки могут быть вызваны незначительными или не существующими на момент

прогноза факторами. Сам прогноз, ставший информационной реальностью, может серьезно повлиять на развитие событий (банки, прогнозируя экономический спад, снижают ставки, меняя бизнес-среду; бюджеты распределяют деньги исходя из прогноза развития экономики; уровень *доверия* внутри общества определяет его динамику). Поэтому лучший прогноз предполагает большое число допущений и вероятностей, а когда среди экспертов и политиков появляется слишком сильная уверенность в том или ином сценарии, следует ожидать сюрпризов и готовиться к проблемам.

«Социальный опрос сам искажает мнения реципиентов, а процесс непрерывной рефлексии в творческом поиске, подглядывание за мышлением, разрушает когерентность мышления, навязывает определенность суждения, так же как наблюдение за микрочастицей создает ее состояние, – пишет В. Буданов. – Таким образом, мониторинг кризисных систем становится делом весьма деликатным, фактически одним из инструментов управления, иногда неосознанного, а иногда манипулятивного» [3, с. 170]. То же фиксирует Ж. Бодрийяр: «Вся система коммуникации перешла от сложной синтаксической структуры языка к бинарно-сигналетической системе вопрос/ответ – системе непрерывного тестирования. Между тем известно, что тест и референдум представляют собой идеальные формы симуляции: ответ подсказывается вопросом, заранее моделируется/обозначается им» [2, с. 134].

Таким образом, социальное знание теперь «не существует само по себе, вне контекста его производства и трансляции… Знание рождается в социальных сетях, и структура социально-коммуникативных процессов этих сетей специфицирует структуру самого знания» [11, с. 361][1]. Говоря иначе, знание создается самим знанием. Окружающая среда имеет отношение к знанию, но не отражается, а конструируется в нем.

Сетевое общество было определено М. Кастельсом как «общество, социальная структура которого выстраивается вокруг сетей, активируемых с помощью переведенной в цифровую форму информации и основанных на микроэлектронике коммуникационных технологий». При этом социальные структуры понимаются как «организационные упорядоченности людей в сферах производства, потребления, воспроизводства, опыта и власти, выраженных в осмысленной, закодированной культурой коммуникации» [7, с. 41].

Социальные сети существовали всегда, но особенность нынешней ситуации в том, что никогда ранее реальность жизни не была так плотно материально и ментально опосредована сетями, знаками и символами коммуникации, что фактически *стала информационным контекстом,* интерфейсом сетевой коммуникации и самокоммуникации. Глобальный характер и взаимопроникновение сетей в информационном обществе таковы, что меняют социум и отношения власти, строя их на основе сложного рекурсивного взаимодействия политических, медийных, финансовых, электоральных, правоохранительных, потребительских, научных и иных сетей. Это ставит под вопрос адекватность традиционных социальных измерений, основанных на изучении общества «в готовом виде», без учета текущей структуры сетей, их динамики и типа коммуникации.

Это связано с особенностями процесса самоорганизации в сложных системах (каковыми, безусловно, являются социальные системы и сети), описанных классиком кибернетики Хайнцем фон Ферстером как *самонаблюдающие,* или *самореферентные* [15, с. 355]. В них наблюдение, как внутренняя операция операционально замкнутой системы, является одновременно *конструированием* и усложнением ее реальности («нетривиальная машина» Ферстера). Идеи «кибернетики второго порядка» получили развитие в теории *автопоэзиса* У. Матураны и Ф. Варелы [10], где социальные системы (сети) представлены как производящие сами себя – здесь процесс внутренних преобразований, который может быть запущен внешним импульсом, определяется тем не менее внутренними рекурсивными процессами системы, а результат никогда не предопределен [11, с. 358].

Для нашего анализа особенно важен гносеологический аспект проблемы, описанный в концепции «персептуального цикла» У. Найссера, согласно которой «воспринимаемая среда является последовательно конструируемой реальностью, где вначале отражается лишь поверхностный ее аспект. Эта первичная информация изменяет «ориентирующую схему», т.е. предубеждение, ожидание, что ведет к уточнению информации, воспринимаемой из окружения, к изменению ее интерпретации, и эта в какой-то мере измененная реальность снова рекурсивно модифицирует «ориентирующую схему» как нашу готовность «видеть» определенные данные» [15, с. 391].

Однако если сети коммуникации конкретного социума устроены таким образом,

[1] Понятие «социальные сети» употребляется здесь и далее (если не оговорено иное) в широком институциональном значении, а не в смысле интернет-коммуникаторов.

что уже на начальных этапах наблюдения люди имеют дело с измененной (или «дополненной») реальностью, данной в образах и установках сетей массовой коммуникации, это мультиплицирует искажения информации, которые на следующем уровне воспринимаются уже как единственная реальность и, в свою очередь, формируют модели поведения людей, алгоритмы оценок и решений представителей власти. Так, по данным исследования ФОМ 2017 г. (подтвержденного другими социологическими центрами), большая часть населения РФ не строит планы на будущее далее чем на полгода-год, но при этом ожидания от отдаленного будущего довольно оптимистичны[2]. Социологи связывают это с убежденностью людей в том, что их собственное влияние на происходящее в стране незначительно, а единственным влиятельным актором видится власть. Такие представления, последовательно формируемые «сетевыми властями», прямо влияют на экономическую активность, создавая предпосылки социально-экономической неопределенности и стагнации.

Кастельс говорит об особом значении в структуре и функционировании информационного общества технологий *включения в сеть и исключения* из нее, как проявлении бинарной логики работы сети, а также ключевой роли *переключателей и программистов* – главных акторов *сетесозидающей власти* [7, с. 43, 65]. Больше того, сети сами создают объекты своих воздействий и измерений – «программируемых», которые являются «подчиненными субъектами власть имущих в коммуникационных сетях». Доминирование «сетевых властей» осуществляется через медиасети, ибо «наиболее фундаментальная форма власти состоит в способности формировать человеческое сознание» [7, с. 456, 20].

Следует добавить, что особенностью сетевого общества является то, что различные сети (медиа, власти, управления, культуры, территорий) не просто накладываются друг на друга, но неравномерно пересекаются, включая, переключая, выключая и перепрограммируя отдельные узлы, что делает социальное знание фрагментарным, реляционным и быстро меняющимся в зависимости от состояния сетевого интерфейса: включенности/выключенности узлов, наличия «фильтров» в сети, фактора времени, внешних воздействий и внутренних процессов, установок и интересов *сетевой власти* как программиста.

Отключение от сети маргинализует узел, который может быть снова включен под другую задачу, превращает людей и деятельности, находящиеся вне сетей, в объекты доминирования. Например, избирательный ценз ранее исключал из электоральной политической сети большие группы населения; в информационном обществе его роль могут играть манипуляции общественным мнением и фальсификации на выборах, что де-факто передает голоса (далее – власть и влияние) одних групп избирателей другим, часто гораздо менее многочисленным, – при том, что соцопросы равномерно изучают и презентуют предвыборные настроения всех групп.

Аналогичную функцию исключения и перепрограммирования узлов выполняет в современных политических сетях наличие специальных «фильтров» (например, муниципальных при выдвижении кандидатов в губернаторы в РФ), а также доминирование мультимедийных электронных сетей, контролируемых сетями власти. Последние фактически *изменяют сознание* избирателей, создавая через жесткое фреймирование и прайминг, направленные на «программируемый» поток информации, особую реальность смыслов и образов; затем социологи сталкиваются (при изучении общественных настроений и предвыборных предпочтений) уже не с собственно оценками людей их условий жизни и надежд, а с описаниями этой виртуальной реальности, порожденными ею феноменами, ожиданиями и страхами.

Именно эти описания затем обращаются в экспертных, медийных и политических сетях. Складываются мифы, на основе которых часто принимаются политические прогнозы и решения. При этом творцы фреймов начинают обманывать сами себя, принимая созданную «дополненную реальность» (AR – пересечение, смешение цифрового и реального миров) за единственную и достоверную. Данные исследований Ф. Говарда говорят о том, что «небольшая профессиональная элита отбирает данные общественного мнения для влияния на лидеров так же, как и на общественность, – данные представляются публике в совокупности с ее собственным агрегированным мнением таким образом, как если бы это было ее собственным суждением по данному вопросу» [7, с. 187].

Всеобщее распространение инфотейнмента радикально меняет систему ценностей, превращая новости в развлечение (особенно если в СМИ есть достаточно эффектных сюжетов о далеких боевых действиях или обысках в особняках чиновников), а развлечения и фейк – в новости (сегодня та-

[2] Фонд «Общественное Мнение». Представления россиян о будущем страны через 20 лет [Электронный ресурс] http://fom.ru/Budushchee/13169 / ФОМ // 2017 (дата обращения: 28.02.2017).

ковыми являются фотографии звезд спорта, шоу-бизнеса и политики в инстаграме, их высказывания и даже «лайки» в твиттере). В результате респонденты рассказывают социологам свои впечатления о просмотренном сериале, а не сообщают оценки повседневной действительности, которая «пропадает», заменяясь непрерывной генерацией образов AR в процессе мультимедийной коммуникации и самокоммуникации, ставшей тотальной в интернет-сетях. Население тоже «пропадает», превращаясь в аудиторию зрителей и пользователей.[3]

Очевидны и риски «разрыва сетей»: например, управленческие элиты перестают пользоваться «традиционными» СМИ (ТВ и газетами) и все больше выпадают из поля зрения массовых социсследований (их роль в последних становится непропорциональной влиянию, к тому же эти люди склонны уклоняться от участия в опросах или отвечают неискренне). Возникают растущие «слепые зоны» измерений (когда измеряется и преподносится как ответ на вопрос одно, а реально значимо и меняет ситуацию совсем другое – или же одно намеренно выдается за другое, что потенциально еще более рискованно). Создание «класса программируемых» чревато как несовершенством или ошибкой программы, так и информационным *восстанием программируемых,* неожиданно обнаруживающих «пропажу реальности» как обман. Причины могут быть разными – старение программы, ее сбой, отключение от глобальной сети или появление вредоносного мема, губительного для AR, сконструированной медиа – и политическими сетями.

В том случае если «дополненная реальность» под воздействием тех или иных «неучтенных» факторов разрушается, на первый план «неожиданно» выходят феномены скрытой прежде реальности жизни (часто архаичной), что резко меняет как образ мыслей людей, так и их действия и политическую ситуацию (так произошло в период крушения КПСС и СССР, а также событий «арабской весны»).

Такие «сбои программы» (порой фатальные) особенно характерны для гибридных обществ «электорального авторитаризма», жестко выстраивающих и пытающихся контролировать потоки информации и важнейшие коммуникационные сети исходя из сформировавшихся в неконкурентной политической среде спорных парадигм, тогда как в конкурентном социуме наличие разнонаправленных потоков информации, опосредованных различными медиа и обширной самокоммуникацией, создает условия для постоянной коррекции медиареальности, обеспечения ее большей релевантности и устойчивости социума.

Учитывая сказанное, следует признать, что традиционные социологические исследования (в широком смысле – данные и системы социальных измерений вообще, включая опросы, рейтинги, экспертизы, прогнозы и т.д.), которые воспринимаются политическим классом как «входящие данные», – эмпирическое знание о социуме *как об объекте*, на основе которых готовятся «на выходе» государственные и иные оценки и решения, сегодня не работают так, как прежде – даже при строгом соблюдении всех методик и процедур измерения. Это в особенности относится к транзитивным обществам с низким уровнем развития сети политических институтов, к числу которых относится РФ. «В условиях низкоуровневой политической институциализации существующие на сегодняшний день в политологической науке теоретические модели электоральных процессов не позволяют объективно описать и прогнозировать происходящие в обществе изменения», – замечает С. Зырянов [5, с. 81–82].

Дело, однако, не только в качестве институтов. Изучение американского общественного мнения перед президентскими выборами 2016 г. показывало преимущество Х. Клинтон (что было подтверждено тем, что она набрала в итоге на 3 млн голосов избирателей больше, чем ее оппонент), но особенности политической сети США (институт выборщиков), неожиданно большая активность сторонников Трампа в «демократических» штатах и резко возросшая роль интернет-сетей «выключили» часть электоральной сети, обеспечив победу республиканца, несмотря на в целом позитивные для большинства населения результаты правления демократа Обамы. Точно так же изучение настроений социума в переживающей экономическую стагнацию России перед выборами в Госдуму-2016 не предполагало сверхубедительной победы «партии власти», взявшей конституционное большинство в парламенте. Однако непропорциональная активность избирателей регионов «электоральной управляемости» и низкая явка (также во многом управляемая) в ключевых мегаполисах вкупе с изменением характера

[3] «Они трансформируют людей в аудиторию, продавая нам имиджи наших жизней» – говорит Кастельс о представителях элит, контролирующих метасеть коммуникационных сетей: «у потребителя существует выбор, но внутри пространства предопределенных продуктов, предполагающего потребление, но не совместное производство» [7, с. 458–459].

политической сети (возвращением «одномандатников») и активизацией сети администраторов сделало это возможным, частично «исключив» или «переключив» важные узлы электоральной сети.

Можно сказать, что социологи и политологи продолжают изучать *как объект* «общество в целом» и настроения «электората», в то время как доминирующую роль в политических изменениях играют ключевые узлы новых сетей социальной коммуникации, («сетевая власть», «переключатели» и «программисты») и вероятностный характер самой социальной реальности (современные рынки – по сути своей вероятностные процессы, где роль игроков и случайности в условиях нулевого флоута цифровых коммуникаций велика, а детерминированность мала); в этой связи равноценные измерения мнений населения и ориентаций элитных/активных групп без значительных поправок и допущений, выглядит неадекватной базой для выводов и прогнозов (в то время как точных инструментов измерений последних не существует). Можно предположить, что «сплошное» социологическое исследование, проведенное в 1989 году перед выборами 1 съезда народных депутатов СССР, показало бы убедительное лидерство КПСС, тогда как уже через два года эта партия перестала существовать вместе с режимом, чей политической основой являлась.

Существует ли выход из такой ситуации? Как общество может изучать, диагностировать и прогнозировать само себя «изнутри»?

Понимание генеративной природы информационной реальности как реализации изоморфного различным классам систем бинарного алгоритма снижения неопределенности, где логическая структура любой замкнутой системы является также структурой других систем [13, с. 11], дает философские основания возможности моделирования вероятностной социальной реальности в условиях неопределенности как *самопознания*, ограниченного постулатом о неполноте знания Геделя.

Здесь работает отмеченный выше механизм *самореференции*, когда восприятие автопоэзийной системой внешней среды происходит не непосредственно, через механизмы отражения, а через поиск внутренних референтов и семиотическую спецификацию: «это не отражение, а скорее полагание среды, привнесение в нее смысла» [15, с.391]. Говоря иначе, мы оперируем только с тем, что «видим», а «видим» то, что соответствует архиву референтов нашего сознания – структуре ценностей, опыту, ментальным моделям, социальному и культурному коду, компетенциям и ожиданиям.

Такой подход согласуется с современными исследованиями динамических систем. Согласно концепции академика Б. Кадомцева, сложные системы любого качества могут структурно «расслаиваться» на управляющие («информационные») и управляемые («динамические») подсистемы (что, заметим, особенно характерно для социума); первые способны воспринимать из внешней среды и транслировать «вниз» слабые процессы обмена энергией – информационные сигналы (реагируя не на их интенсивность, а на их форму – то есть смыслы), а также создавать тезаурус внутренних архивов, который позволяет производить процессинг входящей информации с выработкой управляющих сигналов, адресованных динамической подсистеме. При этом «игра нелинейных динамических процессов в таких системах очень часто приводит к самоорганизации, когда как динамическое, так и информационное содержание процесса оказываются согласованными с большой точностью и складываются в единый «организм» [6, с. 16, 345].

В контексте нашей работы это значит, что *познаваемая социальная реальность* – это вероятностная информационная производная интерактивного контура коммуникации в системе «человек-среда»; это реальность самоорганизации в форме коммуникации, строящаяся по логическим алгоритмам последней. Неслучайно философы и физики в последние годы все чаще обращаются к понятию *структуры реальности*, выделяя в ней физические и «идеальные» страты, взаимодействие которых рождает многоуровневую информационную реальность и социум [8, с. 60], [4, с. 70]. «В настоящее время *реальность является в первую очередь социальным миром*, – пишет Д. Белл, – не природным, не вещественным, а исключительно человеческим – воспринимаемым через отражение своего «я» в других людях» [1, с. 663].

В сетевом информационном обществе системообразующими элементами такого интерактивного контура являются создаваемые акторами в процессе коммуникации (информации) ментальные модели, ценности и смыслы, *генерирующие* социальную реальность того или иного общества в определенной системе социальных координат.[4] Разделяемые субъектами социального

[4] «Категоризация мира есть одновременно его строительство. Экспликация тех или иных категориальных структур сознания или их более сложной организации в модельной форме ведет к феномену самореализующегося прогноза. Отсюда вытекает особая функция социальных моделей, не только описывающих, но и порождающих социальную реальность» [12, с. 104–105].

действия, они становятся *протоколом*: «рефлексия этих смыслов является внутренней операцией или системой, она создает новую основу или точку отсчета для наблюдения тех изменений, которые происходят в современном обществе» [11, с. 359].

Мы исходим из того, что информация (по Шеннону – *снятая неопределенность* [16]), трактуемая как интерактивный контур взаимодействующих систем (в данном случае – измеряемого социума, среды, наблюдателей и систем измерения), редуцирующий фундаментальную неопределенность мира, может служить основой аргументированных суждений, если реализуется через оптимально функционирующий институциональный интерфейс обратной связи системы со средой. Поэтому социальные измерения в информационном обществе – не изучение объективной реальности в «готовом виде», а нелинейный процесс ее вероятностной генерации через рекурсивную самореференцию (как самопознание), моделирование и тестирование систем ценностей, смыслов и сетевых институциональных структур, которые снимают неопределенность в рамках принятой системы координат – протокола социальной коммуникации.

При этом важно сознавать, что прогностические интерпретации редуцируют через коммуникационный интерактивный контур системы сложность и многомерность реальности, упрощая ее до причин и следствий. Они *создают* сценарную реальность как *нарратив* [14, с. 124] в целях удобства хранения и использования информации, однако следует помнить, что это только сценарий, он ничего не говорит о множественных вероятностях и нелинейности мира, но подразумевает их.

Из этого следует необходимость изучать социум, учитывая при измерениях интерактивность социальной коммуникации, сложность, нелинейность и вероятностность социально-политической реальности в сетевом обществе, определяющую роль ценностей, образов, семантических и семиотических спецификаций и ментальных моделей, воплощаемых в социальных институтах. Формируя вероятные сценарии, не следует настаивать на «истинности» одних или других, вводя множество допущений и имея в виду ограниченность знания, основанного на статистических вероятностях и «гауссовых кривых», а также риски использования разного рода когнитивных инструментов [12]. Н. Талеб не случайно говорит в «Черном лебеде» об «эпистемократии» как современной желаемой политической утопии, ибо «этим обществом управляют, опираясь на понимание силы невежества, а не знания» [14, с. 317].

Игнорирование всего перечисленного порождает не только проблему релевантности знания, «искривление» пространства информации, ложные (утверждаемые, а не вероятные) модели и управленческие ошибки, но и риски реализации прямого социального зла в виде социальных *утопий*, к которым ведут принимаемые в качестве «всесильных потому что верных» когнитивные конструкции (примеры тому в новейшей истории – марксизм, национал-социализм, Исламское государство и т.п.).

Следует осознать, что именно эпистемическими границами «слепых зон» социального измерения очерчен «четвертый квадрант», из которого вылетают «черные лебеди». Как раз потому, что мы никогда не можем достоверно знать, когда и какие именно вылетят, так важно понимать, где они обитают, и быть особенно осторожными в этих пространствах.

1. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество [Текст] / Д. Белл. М.: Academia, 1999. 956 с.

2. Бодрийяр, Ж. Символический обмен и смерть [Текст] / Ж.Бодрийяр. М.: Изд-во КДУ, 2013. 392 с.

3. Буданов, В.Г. Конструирование сложности в антропной среде [Текст] / В.Г.Буданов // Синергетическая парадигма. Синергетика инновационной сложности. М.: Прогресс – Традиция, 2011. С. 158–179.

4. Дойч, Д. Структура реальности [Текст] / Д. Дойч. М.: Альпина, 2015. 430 с.

5. Зырянов, С.Г. Электоральные процессы в современной России: институциональный и поведенческий подходы к анализу [Текст] / С.Г. Зырянов. Челябинск: ЦАП, 2007. 211 с.

6. Кадомцев, Б.Б. Динамика и информация [Текст] / Б.Б. Кадомцев. М.: Редакция журнала «Успехи физических наук», 1997. 400 с.

7. Кастельс, М. Власть коммуникации [Текст] / М. Кастельс. М.: Издательский дом ВШЭ, 2016. 564 с.

8. Колин, К.К. Структура реальности и феномен информации [Текст] / К.К. Колин // Открытое образование. 2008. № 5. С. 56–61.

9. Майнцер, К. Вызовы сложности в XXI веке [Текст] / К. Майнцер // Синергетическая парадигма. М.: Прогресс – Традиция, 2011. С. 14–37.

10. Матурана, У. Древо познания: Биологические корни человеческого понимания [Текст] / У. Матурана, Ф. Варела. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 224 с.

11. Москалев, Е.И. Инновационная сложность самообучающихся систем [Текст] / Е.И. Москалев // Синергетическая парадигма. М.: Прогресс – Традиция, 2011. С. 352–364.

12. Петренко, В.Ф. Психосемантический анализ динамики общественного сознания [Текст] / В.Ф. Петренко, О.В. Митина. Смоленск: Изд-во СГУ, 1997. 210 с.

13. Подопригора, А.В. Институт и инструмент.

Глобальная неопределенность и социальная динамика [Текст] / А.В. Подопригора // Социум и власть. 2016. № 6. С. 7–14.

14. Талеб, Н. Черный лебедь [Текст] / Н.Талеб. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2013. 736 с.

15. Хиценко, В.Е. Модели социальной самоорганизации как инструменты для решения инновационных задач [Текст] / В.Е. Хиценко // Синергетическая парадигма. М.: Прогресс – Традиция, 2011. С. 385–397.

16. Шеннон, К. Работы по теории информации и кибернетике [Текст] / К. Шеннон. М.: Издательство иностранной литературы, 1963. 827 с.

References

1. Bell D. (1999) Future post-industrial society. Moscow, Academia, 956 p. [in Rus].

2. Baudrillard Ge. (2013) Symbolical exchange and death. Moscow, KDU publishing house, 392 p. [in Rus].

3. Budanov V.G. (2011) Designing of complexity in the anthropic environment / The Synergetic paradigm. Synergetrics of innovative complexity. Moscow, Progress – Tradition, pp. 158–179 [in Rus].

4. Doych. D. (2015) Struktura of reality. Moscow, Alpina, 430 p. [in Rus].

5. Zyryanov S.G. (2007) Electoral processes in modern Russia: institutional and behavioural approaches to the analysis. Chelyabinsk, TsAP, 211 p. [in Rus].

6. Kadomtsev B.B. (1997) Dynamics and information. Moscow, Editorial office of the Achievements of Physical Sciences magazine, 400 p. [in Rus].

7. Kastels M. (2016) Vlast of communication. Moscow, HSE publishing house, 564 p. [in Rus].

8. Colin K.K. (2008) Open education, no. 5, pp. 56–61 [in Rus].

9. Mayntser K. (2011) Complexity calls in the XXI century / The Synergetic paradigm. Moscow, Progress – Tradition, pp. 14–37 [in Rus].

10. Maturana U., Varela F. (2001) Tree of knowledge: Biological roots of human understanding. Moscow, Progress-Tradition, 224 p. [in Rus].

11. Moskalyov E.I. (2011) Innovative complexity of self-training systems / Synergetic paradigm. Moscow, Progress – Tradition, pp. 352–364 [in Rus].

12. Petrenko V.F., Mitino O.V. (1997) Psychosemantic analysis of dynamics of public consciousness. Smolensk, SGU publishing house, 210 p. [in Rus].

13. Podoprigora A.V. (2016) Socium i vlast', no. 6, pp. 7–14 [in Rus].

14. Taleb N. (2013) Black swan. Moscow, Humming-bird, Azbuka-Attikus, 736 p. [in Rus].

15. Hitsenko V.E. (2011) Models of social self-organization as tools for the solution of innovative tasks / The Synergetic paradigm. Moscow, Progress – Tradition, pp. 385–397 [in Rus].

16. Shannon K. (1963) Works on the theory of information and cybernetics. Moscow, Publishing house of foreign literature, 827 p. [in Rus].

UDC 1:3

"THE BLACK SWAN" NEST: PECULIARITIES AND RISKS OF SOCIAL MONITORING IN A NETWORK SOCIETY

Podoprigora Aleksandr Vasilyevich,
Scientific and educational Centre of the Institute of Economics, The Ural branch of Russian Academy of Sciences and Chelyabinsk State University,
senior research fellow,
Cand. Sc. (Political Sciences),
Chelyabinsk, Russia.
E-mail: agora821@gmail.com

Annotation
In the frame of synergetic approach the author considers changes in the character of knowledge about society and peculiarities of social monitoring in a network society based on the network of electronic communication and representing power as ability of key actors to influence collective consciousness and change it. The author stresses the complex character of a network society as a dynamic system, non-linearity of the processes which take place in it and probabilistic character of society monitoring which directly influence the results of observations and course of events constructing "the enlarged" social reality. The author suggests philosophical background for studying a network society as a process of probabilistic generation of social reality through recursive self-reference, modeling commonsense reasoning in the network of communication institutions which diffuse uncertainty in the framework of accepted system of value-based information and also are able to produce considerable political risks.

Key concepts:
information society,
network,
institutions,
possibility,
uncertainty,
non-linearity,
media,
communications,
power,
social monitoring,
self-reference,
elite,
risks.